

Олеся Николаева

Себе на ДИВО

Зима

Ах, зима, зима, — пою, — тьма и мать.
Будем вместе жизнь свою вспоминать.
В этом домике с трубой — правда ведь? —
будем вместе мы с тобой индеветь.
Будем петь — баском, сопрано, альтом,
спать с твоим песком, укывшись пальтом...

Я боюсь тебя, как тьму, как тюрьму.
Я не верю ничему твоему.
Всё мне кажется — во льду, чёрен, строг,
грешник, запертый в аду, тянет срок.
Мает душу — не мила, за тобой
в пятки стылые ушла, в мёртвый слой.

Тем чудеснее, когда у ворот —
колесница ли, звезда, снегоход.
Запоздалый путник — да, тук да тук:
старомодны борода и сюртук.
Вот горячее вино на язык:
всё написано давно в Книге Книг.

Ах, на то она зима, чтоб вести
одинокого с ума — к ра-до-сти.
И на то она, кума, за кустом —
поначалу, как чума, но потом:
— Наши утлые дома, как баржи,
переплыли мы, зима, море лжи!

Уж не застишь ты, слепя и глуша:
двери настезь, нараспашку душа.
Чтоб глазами, как сова просиять,
ноги Божьи, как трава, целовать!

Николаева Олеся Александровна — поэт, прозаик, эссеист. Профессор Литературного института им. А.М. Горького. Автор многочисленных книг стихов, прозы и эссе. Лауреат многих литературных премий, в том числе Национальной премии «Поэт» (2006). Постоянный автор «Дружбы народов». Живет в Перedelкинe.

Январь

День чёрный — сер. И страхи на часах,
как караул, стоят: обогатился
сосед, чтоб разориться в пух и прах.
И Царь в яслях родился.

Как принято, поэт не без труда
решил об этом помянуть.
Рифмуя,
он написал: «Волхвы пасут стада»
и далее по тексту — «аллилуйя!»

«Что за стада пасут у вас волхвы?» —
спросил читатель.
Тот в ответ — жеманно:
«Волхвы же — это пастухи!
А вы
что, пастухов не видели? Как странно!»

И всюду — слухи... Говорят, рога
у Кондолизы Райс скрывает чёлка,
и Ленин ожил и ушёл в бега,
и баба родила в Тамбове волка.

Да и вообще — мы скоро вымрем: на
молодку каждую — едва ль по полребёнка,
и тот — на улице...
И полная луна
в бессонницу поскуливает тонко.

Так всё непрочно здесь, неверно,
никогда
с той черепахой, сколько б ни трудился,
Ахилл не справится.
Волхвы пасут стада...
Одно незыблемо здесь:
Царь в яслях родился.

Память

С интонацией мирной эклоги
всех ушедших помянем, нальём.
Поросли у распутия дороги
трынь-травую, репъём и былъём.
Ловим, ловим их отзвуки, тени
в сети веток, в закатный атлас...
С высоты — наподобье растений
мы теперь для покинувших нас.

Дуб корявый, сосна молодая,
крепкий вяз с золотым орарём —
шелестим на ветру, опадая,
память их, как живую, зовём.
И приходит она, баснословна,
опьяняет её вещество:
то как ластиком, водит неровно,
то в углу пририсует чего...

Появляются перстни и кубки,
звёзды, плётки, вериги в крови,
яд в стакане и перья голубки,
и записка с признанием в любви.
И не важно — так было ли, нет ли:
те-то сраму не имут, а мы
копим сны, прячем страх, вяжем петли,
припасаем кору для зимы.

Лихо

Меж братьями скандал и ураган.
Беда — один из них был сильно пьян,
другой, хоть трезв и стоек, а всё же параноик.

А повод был ничтожнейший — на грош:
но тот, что пьян, схватил фруктовый нож,
оставшийся с обеда,
стал выть и звать соседа.

Сосед пришёл — он брата обвинять:
хотел меня убить и закопать!
А тот, хотя и стоик, сел на журнальный столик.

И вот теперь — полиция, тюрьма...
Как от обиды не сойти с ума:
от этих потрясений ум близок к смертной сени.

Но пьянице — урок, упрёк, укор, позор.
Дают ему статью за оговор:
и час его неровен, ведь брат был невиновен.

К чему я всё? К тому, что до беды
рукой подать, везде — следы, следы
бесчинств, подлогов, козней и просто — скуки поздней.

И в воздухе стоит сплошной неслышный крик,
и смуту кипятит невидимый старик:
обязана кипенью в нём ненависть к творенью.

...Ты чуешь этот чад? Чуть топнешь — и обвал,
чуть тронешь — и насад, чуть вскочишь — и пропал.
А если брат на брата — тут Лихо виновато.

Чуть свистнешь — и банкрот, чуть глянешь — и злодей,
едва откроешь рот — не соберёшь костей.
И ум не зря дичится попивших из копытца.

И это неспроста пришло в наши места.

«Алхимия»

Отчего моё сердце болит?
— Оттого что, — сказал Гераклит, —
всё течёт в направленьи конца,
торопя кровяные тельца.

Как помотришь: там хаос, там жуть,
и при этом всё дело свернуть
в чёрный час протромбин норовит...
Но царевича рана — кровит!

Боже правый! Там целый завод:
там — реторты, цеха, там цейтнот,
там алхимией пахнет, там в хор
элементов втирается хлор.

А к нему — прост, как бледная моль,
натрий льнёт, и является соль.
Потому тяжелы, солонны
кровь, и слёзы, и скорби, и сны.

Магма булькает, звёзды текут,
надрывается сердца лоскут,
словно плавят там медную нить,
чтобы золото в тигле добыть.

...Добывай же, Создатель!
Пока
горяча в моих жилах река,
и дыханья гора высока,
и словесны мои облака.

Поднимай меня ввысь, как потир,
превращай мою кровь в эликсир,
чтоб по смерти — до Судного Дня —
Твои люди узнали меня.

Греческий городок

Тот городочек сидит на земле, поджимая коленки,
или, свернувшись калачиком, дремлет ночами у стенки.
А поутру раскладывает игрушки —
лепестки, и камушки, и ракушки.
Он приручил море, он прикормил рыбок,
Он подарил цикадам тысячи скрипок.
И на себя опрокинул ведро небесной лазури.

Кажется, здесь нет ничего большого: страдания, бури,
горя-злочастия, страсти, болезни, рока.
Запах тёплого моря, вкус виноградного сока.
Словно бы кукольный город, где всё понарошку,
чтобы всамделишный Кто-то, прильнувший к окошку,
сверху смотрел, как здесь движутся все без запинки —
лодочки, яхточки и заводные машинки.

В крошечных кухоньках варят крема да нектары.
А на террасах кифары звучат и гитары;
Роза красуется, персик в саду бархатится.
Кажется, здесь никогда ничего не случится.
Солнце играет в пятнашки, в прятки и салки,
чтоб отдохнуть на ручке кресла-качалки.

...Здесь и за нами Незримый поглядывал — тонко
ниточка вьётся, и бродим тут мы, два куклёнка,
собственной хрупкости не понимая, далече
важные думы ведём и серьёзные речи.
Средь бугенвиллей роскошных и пальм низкорослых
кажется сверху, что мы лишь играем во взрослых.

Лишь притворяемся, будто бы мы — человеки.
И не боимся, что к нам, в нашу детскую, в некий
наш городок неожиданно, без проволочек,
сам ли хозяин войдёт иль хозяйский сыночек,
и соберёт все фигурки и каждый предмет,
сложит в коробку и медленно выключит свет.